

Ariel Dorfman

**THE SUICIDE
MUSEUM**

Ариэль Дорфман

МУЗЕЙ
СУИЦИДА

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д69

THE SUICIDE MUSEUM
Ariel Dorfman

Перевод с английского *Татьяны Черезовой*

Дорфман Ариэль
Д69 Музей суицида / Ариэль Дорфман ; [перевод с английского Т. Л. Черезовой]. Москва : КоЛибри, Азбука-Агтикус, 2025. — 592 с. — (Документальный fiction).

ISBN 978-5-389-25160-1

Писателю Ариэлю Дорфману нужны деньги. Деньги есть у миллиардера Джозефа Хорты. Он нанимает писателя, чтобы тот раскрыл правду о смерти Сальвадора Альенде. Преисполненные благодарности к покойному президенту Чили и настойчивой потребностью узнать, убийство или самоубийство оборвало его жизнь во время государственного переворота 1973 года, двое мужчин приступают к расследованию, которое приведет их из Вашингтона и Нью-Йорка в Сантьяго и Вальпараисо и, наконец, в Лондон. Они сталкиваются с незабываемыми персонажами: свадебным фотографом, который может предсказать будущее пары, готовящейся пожениться; полицейским, преследующим серийного убийцу, нападавшего на беженцев; революционером, пойманным при попытке покушения на диктатора, и, прежде всего, со сложными женщинами, которые поддерживают их на этом пути по личным неочевидным причинам. А еще они должны встретиться лицом к лицу с собственными тяжелыми историями, чтобы найти путь вперед — для себя и для нашей опустошенной планеты.

То, что начинается как интригующая литературная авантюра, перерастает в увлекательную философскую сагу о любви, семье, мужестве и изгнании, главный вопрос которой — чем мы обязаны миру, друг другу и самим себе.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-25160-1

© Ariel Dorfman
© Черезова Т. Л., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Агтикус», 2025
Издательство КоЛибри®

*Спасибо, Анжелика.
Без тебя в моей жизни и в моем творчестве,
в моей реальности и в моей фантазии
этот роман не состоялся бы*

Содержание

Напоминание автора	10
Часть I. ПРЕЛЮДИИ	11
Часть II. ПРИЕЗДЫ	187
Часть III. ОТЪЕЗДЫ	361
Часть IV. ВОСКРЕШЕНИЯ	475
ГДЕ ОНИ СЕЙЧАС?	
Нечто вроде эпилога, маскирующегося под благодарности	580

Второй адвокат, крупный грузный мужчина с желтыми бровями и обвисшим двойным подбородком, ненадолго задумался, а потом сказал: «Я читал множество записок самоубийц, но никто из них ни разу не сказал правды».

Исаак Башевис-Зингер

Эпос, летопись, поэзия, эссе, журнализм, мемуары — вот часть жанров, которые роман поглотил за время своего существования.

Хавьер Серкас

Sigan ustedes sabiendo que mucho más temprano que tarde de nuevo abrirán las grandes alamedas por donde pas el hombre libre para construir una Sociedad mejor.

Вам следует помнить, что раньше (а не позже) откроются полные деревьев широкие дороги, по которым свободный человек пойдет строить лучшее общество.

*Последнее обращение к нации
президента Чили Сальвадора Альенде
11 сентября 1973 года*

Романы порождаются изъятиями истории.

Новалис

Я не лгу. Я приукрашиваю жизнь.

Жозефина Бейкер

Напоминание автора

Все персонажи данной книги вымышленные, в том числе и те, кто, подобно самому автору, его родным и друзьям, взят из реальной жизни и существовал в истории. Часть имен изменены, чтобы не нарушить неприкосновенность личной жизни данных персон.

Часть I
ПРЕЛЮДИИ

1

Еще до того как Джозеф Орта с теплой и хитрой улыбкой вошел в зал для завтраков отеля «Хей-Адамс» в Вашингтоне, мне следовало бы предположить, что он принесет мне проблемы.

Жена говорила мне, чтобы я не слишком доверял этому загадочному миллиардеру: мы понятия не имеем, какие темные делишки позволили ему занять такое чудовищное состояние, но я все равно понесся вперед на всех парах, позволил ему себя обаять, можно даже сказать околдовать, во время той первой встречи в 1983 году, так что когда мы снова встретились спустя семь лет и он предложил мне сопровождать его в том, что вылилось в безумное приключение, я не смог сказать «нет, извините, мне очень жаль, но у меня в жизни и так хватает стрессов, спасибо — но нет». Или если бы мои финансы не находились в столь плачевном состоянии, или если бы я сам не был настолько зациклен на той тайне, которую он хотел разгадать, на том убийстве, которое надо было кому-то расследовать в Чили, или если бы я раньше узнал про Музей суицида и планах Орты по спасению планеты... если бы не то или если бы не это в жизни, состоящей из слишком большого количества «если бы»... но сейчас, пожалуй, все это уже не имеет значения. Сейчас, по прошествии тридцати лет, тех тридцати лет, в течение которых я пообещал хранить молчание и поклялся не рассказывать эту историю — историю Орты и его множества секретов, и, конечно, мою собственную историю и то, что

я скрывал, — сейчас, когда я наконец заставляю себя описывать те события, которые необратимо изменили мою жизнь, важно только одно: с чего начать, когда все это началось?

Порой я прослеживаю причину моего согласия, то, почему я принял предложение Орты помогать ему в той миссии, прослеживаю все до моего собственного ненадежного существования, до того дня, когда я избежал смерти в Сантьяго во время путча 1973 года, или до того дня спустя несколько месяцев, когда я отправился в изгнание. А порой я решаю, что это не имеет ко мне никакого отношения, что если бы Орта меня не выбрал, то эта история убийства или суицида все равно была бы рассказана — что ее настолько необходимо было рассказать, что она проникла бы в этот ущербный мир вне зависимости от того, кого бы избрали посланником, потому что она была запущена за много десятков лет до того, как родились и Орта, и я: эта история была неотвратимо запущена в то утро 1908 года, когда мать произвела на свет Сальвадора Альенде — ребенка, которому было суждено стать президентом Чили — и, возможно, уже тогда было суждено погибнуть в президентском дворце в Сантьяго. Однако я снова путаюсь в «если бы не это и если бы не то», и при такой неопределенности, наверное, стоит просто начать с объяснения, как именно я впервые пересекся с Ортой в 1983 году.

Мне нужны были деньги, а у него они были — у него было столько денег, что он уже не знал, на что бы их потратить. Я понятия не имел, как он выглядит, я даже не знал, действительно ли его звали Рональдом Карлсоном, но все это нисколько меня не смущало. Мне хватало того, что к тому моменту, когда мы впервые вместе сели за столик в Вашингтоне, он уже жертвовал деньги на дело борьбы Чили с военным режимом генерала Аугусто Пиночета: отправлял чеки, оплачивая конспиративные квартиры, тайные профсоюзы и студенческие журналы, якобы посвященные спорту и сплетням, но на самом деле занимающиеся организацией молодежного движения. А еще он предлагал помощь деятелям искусства (мой любимый

проект) — субсидии писателям, художникам, музыкантам и актерам, чтобы они не покидали страну, как пришлось сделать мне, а могли оставаться там и становиться свидетелями борьбы, надежд и ужасов.

Вот почему для меня естественным было обратиться к нему в тот момент — в апреле 1983 года, — когда я пытался найти кого-то, кто профинансировал бы ту литературную выходку, которую я задумал. В свою защиту скажу, что все-таки искал с ним встречи без особой охоты. После отъезда из Чили я стал экспертом в просьбах о деньгах для других людей, но не для себя, какой бы суровой и ненадежной ни была жизнь нашей семьи, скитавшейся по разным странам. И тем не менее я мог честно заявить Орте, что мое странное предприятие будет не только полезно мне самому, но и повлияет на общественное мнение и на позицию крупных политиков. Вот почему, убежденный в чистоте (или частичной чистоте) своих намерений, я передал свое послание через помощницу этого филантропа, Пилар Сантану.

В прошлом я всегда имел дело именно с ней, а не с ее боссом-затворником, но в этот раз я сказал автоответчику, что очень хотел бы иметь возможность встретиться с мистером Карлсоном (в то время я считал, что его зовут именно так) в любое удобное ему время, предпочтительно где-то в районе Вашингтона, где мы жили в то время, хотя при необходимости я мог бы приехать на Манхэттен. (Я не стал добавлять, что радовался любой возможности вернуться в Нью-Йорк, где провел детство и приобрел знания английского языка, на котором сейчас и пишу эти воспоминания.) Признаюсь, что не питал особых надежд: я знал, что Рональд Карлсон вел полуотшельническую жизнь — был одним из тех магнатов, которые предпочитают оставаться безликими, без фотографий или хотя бы неподтвержденных высказываний в прессе, которые ведут свои дела и занимаются благотворительностью, оставаясь в тени.

Так что я не надеялся на быстрый ответ, но уже на следующий день...

Пилар Сантана говорила со мной — как всегда — на испанском.

— *Una clarification*, — сказала она, желая получить уточнения. — *Esta reunion* — встреча, о которой вы просите, — у нее личные причины или политические?

Формулировка вопроса оказалась краткой, резкой и даже неожиданной: как она догадалась, что на этот раз я могу попросить о подачке для себя, а не для общего дела? — однако эту прямоту искупал ее теплый голос, дружелюбный, почти мурлычущий. Она закругляла слоги в говоре, пришедшем прямо из Мадрида или Саламанки, и я сразу вспомнил, что этот голос мне понравился еще во время предыдущих коротких разговоров, так что решил воспринимать ее любопытство позитивно. Ее быстрый ответ обнадеживал. Да и вообще — это ведь я прошу о помощи, так почему бы ей не осведомиться о моих мотивах?

— И те и другие, — ответил я. — *Las dos razones*. И личные, и политические. Могу гарантировать одно: мистера Карлсона она как минимум заинтригует.

Я надеялся, что он клюнет на эту наживку.

Он клюнул. Через два дня она сообщила мне, что мистер Карлсон намерен провести уикенд в Вашингтоне и готов встретиться со мной за воскресным бранчем в отеле «Хей-Адамс» ровно в двенадцать часов. Я и сейчас помню это ее «ровно» — *exactamente*: оно напомнило мне о моем статусе попрошайки — человека, которому положено соблюдать правила пунктуальности и подобострастности.

Я пришел туда за полчаса, и к ВИП-столику с великолепным видом на Белый дом меня провел чрезвычайно элегантный метрдотель — определенно в более элегантном облачении, чем то, что я смог себе приготовить, хотя жена и одела меня в тот единственный наряд, который казался одновременно неофициальным и стильным. Выбирая его из моего скудного гардероба эмигранта, она бормотала, что, несмотря

на все ее тревоги относительно того, во что я встречаю, ей хочется, чтобы я выглядел как можно лучше.

Накрытый на двоих столик находился так близко от пианиста в смокинге, что я мог слышать негромкие ноты: «Какой-то волшебный вечер», но все-таки достаточно далеко, чтобы при встрече с этим незнакомцем в толпе нас ничто не отвлекало от нашего тет-а-тет — даже масса других разговоров, жужжавших в этом шикарном зале: дамы в нарядных воскресных шляпках подавались вперед, обожающе заглядывая в глаза своих чересчур лощеных спутников, а те изображали внимательность, изо всех сил стараясь подслушать, что же обсуждают за соседним столиком два влиятельных сенатора.

Возможно, мне не следовало приходиться так рано. С каждой проходящей минутой я все острее ощущал, насколько я чужой в этом логове власти, богатства и традиций: человек без страны, без работы, без медицинской страховки, собирающий на прожитые жалкие крохи от оплачиваемых внештатно статей, мелких переводов и скудных авансов за книги, которые плохо продаются. И все еще пытающийся получить гринкард для себя и семьи. Моя нервозность усилилась (я заметил, что прижимаю дипломат к груди, словно спасательный круг) из-за сомнений относительно проекта, который собираюсь изложить... и опасений, что те сведения обо мне, которые есть у этого Карлсона, заставят его отклонить мое прошение о поддержке. Я предполагал, что он из тех людей, кто собирает тонны данных — возможно, через сверхэффективную Пилар, — прежде чем согласиться на встречу, и уже разнюхал, что я надежен и предан делу свободы своей страны и всего мира, но при этом имею дурную славу сумасброда.

Возможно, она уже выяснила, что еще в 1975 году я в сопровождении своей скептически настроенной жены поехал в Швецию, чтобы попросить ее премьер-министра, Улофа Пальме (с которым мне устроил контакт Гарсия Маркес), одолжить Чилийскому сопротивлению корабль, чтобы все изгнанные деятели

искусства смогли приплыть в Вальпараисо и громко потребовать, чтобы их впустили обратно в страну. Может, кто-то рассказал Пилар, что Пальме с холодной скандинавской прямоотой ответил, что никогда еще не слышал ничего столь же опасного и безответственного: рисковать жизнями самых заметных представителей Сопrotивления ради демонстрации, которая не выгонит диктатора из его берлоги... А что, если эта Сантана узнала, что спустя несколько лет после этого провала я предложил либеральному бельгийскому промышленнику финансировать программу, в результате которой все приличные чилийцы, как в стране, так и за ее пределами, устроили бы минуту молчания в одно и то же время — точно в 13:50 по времени Чили, когда был убит Альенде, защищавший демократию? Моя идея состояла в том, что, если мы все одновременно вообразим землю без Пиночета, генерал растворится под общей молитвой миллионов; на это мое предложение был дан ответ, что для победы над фашизмом нужны не мои альтернативные идеи типа левитирования Пентагона, а покупка оружия для восстания против военной хунты, которое свалило бы чилийский «пентагон». Не то чтобы сам Карлсон подписывался под таким предложением вооруженного восстания: насколько я знал, он поддерживал только различные виды ненасильственной мобилизации, так что, возможно, он и согласился бы с моим предположением, что, если достаточное количество соотечественников пожелают — яростно и одновременно, сосредоточенно и мирно — падения этого тирана, он действительно исчезнет в клубах вонючего дыма.

Встревоженный тем, что Карлсон и правда мог узнать о моих прошлых эскападах, я попытался успокоить нервы, рассматривая издали шведский стол и его обильные угощения. Я не собирался ничего себе брать до прихода пригласившего меня, да и потом был намерен сдерживать свое хроническое чревоугодие. Несколькими часами раньше Анхелика, заметившая, что я пренебрег утренней овсянкой и фруктами, напомнила мне, что этой встречи я искал не для того, чтобы набить

себе живот за счет этого магната, а чтобы вытащить из него сумму, которая понадобится для моей будущей феерии.

Хотя что плохого в том, что я пройду вдоль шведского стола — и, может, отправлю какой-нибудь лакомый кусочек себе в рот? Я уже направился было к этому пиршеству деликатесов, но все-таки не совершил этой серьезной ошибки, заметив у входа в зал стройную женщину. Она спокойно смотрела на меня — и еле заметно качнула головой, указывая, что мне следует вернуться на место. Видимо, это была Пилар Сантана, которая пришла удостовериться в том, что все в порядке, прежде чем ее босс спустится со своих миллиардерских небес.

Я не сбежал в относительно безопасную зону столика только из-за притягательной силы, исходившей от этой смуглой женщины. Дело было не в чем-то одном, что можно было бы назвать впечатляющим, — напротив, в ее светло-карих глазах не было какой-то особой искорки, ненакрашенные губы и небрежно распущенные волосы не вызывали сексуального возбуждения, грудь и бедра не притягивали к себе внимания — все было почти обыкновенным... если бы не аура власти, которая ее окружала. Власть над своим телом, власть над своими желаниями, власть над обстоятельствами: такого человека хотелось бы видеть на своей стороне в минуту опасности, она способна была почуять эту опасность еще до того, как та на тебя налетит. И такую женщину вы определенно не хотели бы иметь своим врагом. Я понял, что это не помощница Карлсона, как я раньше считал, а его любовница. Я пятился, впитывая ее, словно эликсир или воду бездонного озера. А еще она была его привратницей и хранительницей, а к тому же (я пока не мог понять, почему) — моей потенциальной союзницей, возможно, готовой стать сообщницей в задуманном мной предприятии.

Оставаясь к ней лицом, я врезался в стул, на котором сидел совсем недавно в ожидании магната, который, если все пройдет хорошо, сможет оказать на мою жизнь благое влияние. И внезапно он появился, направляясь ко мне с улыбкой

и протянутой рукой, крепко пожав мою протянутую в ответ руку, а жестом свободной руки давая мне понять, что стоит сесть и насладиться обществом друг друга. Какая честь: совершенно не похоже на то, что я ожидал от этого крайне замкнутого человека. Старается впечатлить меня своей добротой и вежливостью, помогая почувствовать себя непринужденно.

— Как мило, что вы смогли найти время, — проговорил он, махнув (но не повелительно, а скорее дружелюбно и учтиво) официанту, застывшему поблизости с бутылкой шампанского «Мозт и Шандон». Я бросил взгляд мимо бутылки и заметил, что Пилар устроилась за маленьким столиком у рояля в полном одиночестве, что-то сосредоточенно заноса в блокнот. Я повернулся к пригласившему меня, и он добавил: — Я имел в виду, что вам пришлось оставить семью в воскресенье: я сгруппировал, не включив их в приглашение, не то чтобы у меня не было такой мысли. В следующий раз я познакомлюсь с Марией... Анхеликой, вашу жену ведь зовут Марией, верно?

— Она предпочитает, чтобы ее звали Анхеликой, — сказал я и, заметив его недоумение, словно у школьника, сделавшего ошибку в домашнем задании, поспешно продолжил: — Но, как и очень многие женщины в Чили, она также носит имя Мария. И если честно, то хотя она и не набожна, но отмечает день своей святой, День Святейшего имени, каждый год 12 сентября. Он для нее важнее дня рождения.

— Ну, ей следовало бы быть здесь вместе с вами и вашими двумя сыновьями — Родриго и Хоакином, так? Ваш младший родился в Амстердаме, как я и... но не в этот раз. Если я что-то и выучил твердо, так это то, что если можно не вмешивать своих близких в грязные дела политики или бизнеса, то... Но в любом случае примите мою благодарность.

— О, нет: это я должен благодарить вас за эту возможность...

— Благодарите Альенде, — сказал он, и голос его понизился до почти благоговейного шепота. — Сальвадора Альенде, — добавил он, чтобы я точно понял, что речь идет о погибшем

президенте Чили, а не о каком-то другом мученике или герое. — Чичо. Он спас мне жизнь. Не один раз, а дважды.

Я был потрясен этим признанием. Не только тем, что за все те годы, когда на моем слуху Альенде цитировали, восхваляли, почитали, ни один иностранец ни разу не объявлял о подобном поразительном спасении, но и тем, что никто из нечилийцев не называл нашего президента уменьшительным именем Чичо. Его происхождение было связано с тем, как он сам называл себя в детстве — Сальвадорсито, произнося последние два слога как «чичо». Это семейное прозвище набирало популярность, передаваясь из уст в уста, как способ приблизить этого легендарного политического деятеля к тем, кто голосовал за него, устраивал демонстрации и старался обеспечить его победу и был готов (или, по крайней мере, так мы говорили) умереть за него. Я был огорошен столь бесцеремонным использованием этого прозвища, но еще сильнее меня беспокоило то, что слова Карлсона перекликались с тем, что я часто твердил себе после смерти Альенде — что погибший президент Чили спас мне жизнь... дважды. Если бы я не успел проникнуться симпатией к человеку, которого знал под именем Рональда Карлсона, то даже ощутил бы в душе всплеск собственнической ярости, возмутился бы тем, что моя личная история и связь присвоены кем-то не имеющим прав на слова, принадлежащие мне и моему народу. Однако пригласивший меня человек (а мне еще предстояло узнать, насколько хорошо он умеет читать мысли) заметил, что его слова меня поразили, и быстро протянул руку, дружелюбно стискивая мне локоть.

— Нет, Ариэль, я серьезно. Если бы не Альенде и не победа его блока «Народное единство», я бы сейчас не сидел здесь с вами, готовый оказать вам любую поддержку. *Fue gracias a él que estoy vivo*. Что, удивлены, что я говорю по-испански?

— Почти безупречно, — сказал я.

— Почти? Вы ведь не заметили акцента?

И тут он посмотрел мне за спину, а я, чуть вывернув шею, понял, что мягкий блеск его синих глаз адресован его помощнице... или любовнице... или кто уж она ему была. Бокал ей наполнял тот же официант, который только что обслужил нас, и из той же бутылки. Продолжая что-то записывать и не поднимая взгляда на официанта, она остановила его, чуть прикоснувшись пальцами к верху бокала, на мгновение опередив тот момент, когда пузырьки дойдут до его края.

Карлсон позволил мне наблюдать за этой сценкой вместе с ним, а потом повторил свой вопрос:

— Без акцента?

Я снова повернулся к нему.

— Вас можно принять за носителя языка, но выросшего в Испании, а не в одной из стран Латинской Америки.

— Как мисс Сантана, — отметил Карлсон. — Меня учила не она, но признаюсь, что помогла мне осваивать нюансы. Нет, этим умением я обязан моему отцу, Карлу Орте. Вот почему я назвался Карлсоном. Сын Карла.

— Ваша фамилия не Карлсон?

— Одна из многих, которыми я пользуюсь, чтобы оставаться незамеченным. Если пообещаете ни с кем не делиться этим секретом, я могу назвать вам свое настоящее имя.

— Я умею хранить секреты, — ответил я. — Большинство из тех, с кем я связан в Чили — из тех, кого вы так щедро финансировали, — тоже живут под чужими именами.

— Ну, я тоже скрываюсь — по-своему. Но сейчас, когда я вылез из своей пещеры, когда мы встретились, мне кажется правильным, чтобы вы знали, с кем имеете дело. Меня зовут Джозеф, Джозеф Орта.

Тут он протянул руку, а я ее пожал, сказав:

— Рад наконец с вами познакомиться, мистер Орта.

— Ну а мне приятно слышать, как вы меня назвали. Хотя имя Карлсон — терпимое прикрытие. Не то чтобы мой отец... но это другая история, на другой случай... был рад узнать, какой

псевдоним я выбрал. Но он был рад учить меня испанскому, требовал от меня его освоить. Он сам выучил язык во время Гражданской войны в Испании как голландский член Интернациональных бригад: перешел через Пиренеи во Францию после поражения Республики в 1939 году, когда мне было три года. — Орта замолчал, судорожно сглотнул и тряхнул головой, словно прогоняя бурное воспоминание. — Он писал моей матери из лагеря беженцев, куда его интернировали, но письма прекратились, когда Францию оккупировали нацисты. Его отправили в Маутхаузен, в лагерь смерти. Но он не погиб, сбегал с испанскими активистами, такими же бездомными, как и он. А позже, когда мы встретились после войны, он вдалбливал в меня язык, пока я рос, требовал, чтобы я говорил на нем безупречно. И упорно вдалбливал в меня и другие вещи. Например, Альенде.

Он посмотрел на меня — возможно, ожидая какого-то комментария, вот только я совершенно не понимал, к чему все это ведет: неужели он согласился встретиться со мной для того, чтобы поделиться историей своей жизни? Я осторожно спросил:

— Он был поклонником Альенде?

— Наоборот, — ответил Орта. — Он считал, что план Альенде — построение социализма с помощью мирных демократических средств — обречен на провал. Он не доверял всем тем, кто, как Альенде, не приносил автоматически клятву верности Москве, — тем, кто говорил, что Чили следует идти своим путем, а не копировать большевиков. «Свой путь, ерунда», — фыркал мой отец-коммунист. Настоящему революционеру ни за что не позволят победить на выборах, а если каким-то чудом это все-таки случится, ему не позволят занять пост. «Нельзя доверять этим буржуазным ублюдкам» — вот одна из любимых фраз моего отца. Единственное, что богачи понимают, — это пистолет. Желательно, стволом у них в жопе. *En el mero culo*, — приговаривал он. Стрелять, а не голосовать. Мы не прекращали с ним спорить, потому что я не соглашался — считал, что Альенде и партии Народного единства, которые его поддерживают,

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ДОРФМАН АРИЭЛЬ
МУЗЕЙ СУИЦИДА
Документальный fiction

Редактор А. Мотина
Художественный редактор М. Левыкин
Технический редактор Л. Синицына
Корректоры В. Алексина, С. Луконина
Компьютерная верстка В. Брызгаловой

Подписано в печать / Баспаға қол қойылады 15.11.2024.
Формат 60 × 88 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «Caslon».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,3.
Тираж 3000 экз. О-DCF-34148-01-R. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака «КоЛибри»	«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – «КоЛибри» тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25	115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербург	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
от 29.12.2010 г. не распространяется.

«Балаларды денсаулығы мен дамуына зиян келтіретін ақпараттан қорғау туралы»
29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заңы қолданылмайды.